

Социальные факторы создали те условия, при которых в неандертальской орде мог возникнуть новый биологический тип человека. Процесс сапиентации человека и экзогамия тесно связаны: когда вступает в силу экзогамия как определенный институт, когда в человеческой орде социальные институты достигают такой силы, что могут декретировать экзогамию, в этих условиях выступают и те факторы, которые ведут к процессу сапиентации человека.

Н. А. Бутинов остановился на двух вопросах: как понимать возникновение экзогамии, и что такое экзогамия, демонстрировав на двух примерах из истории изучения социальной организации камиларии Морганом и Штеренбергом, как легко можно впасть в ошибку при анализе характера общественной организации, если руководствоваться неправильным пониманием экзогамии.

С. П. Толстов, разъясняя и дополняя высказанные ранее положения и отвечая Н. А. Кислякову, отмечает, что половые запреты чрезвычайно разнообразны; их обилие, сложность и то, что их общая тенденция связана с запретом половых отношений в периоды наиболее интенсивной жизни коллектива — позволяет думать, что в экзогамии эти запреты доводятся до своего логического предела, т. е. брачные отношения в своем хозяйственном коллективе (роде) запрещаются вообще. Пока не существует парной семьи, пока не существует всей системы, утверждающей индивидуальное право одного мужчины на одну женщину и обратно, необходима какая-то система коллективных запретов, регулирующих брачную жизнь коллектива. Экзогамия — первый институт общественного регулирования брака, первая форма брака вообще, ибо там, где нет общественной организации половых союзов, там нельзя говорить о браке. Брак не биологическое явление, а общественный институт. Вместе с экзогамией как первой формой группового брака (взаимный брачный союз двух целых родов) возникает первая форма половой морали, чрезвычайно строго осуществляемой. Представление о групповом браке как о чем-то, связанным со «свободой прав», глубоко неправильно. Первобытные моральные нормы иные, чем позднейшие, но соблюдаются они несравненно строже: как известно, во многих случаях санкцией за нарушение экзогамных правил является смертная казнь.

М. О. Косвен, подводя итоги дискуссии, высказал, что результатом ее должен, по видимому, явиться отказ от объяснения экзогамии единственно на основании стремления избежать родственных браков. Близок, по видимому, к истине С. П. Толстов, представляющий экзогамию как выражение общественной морали. Необходимо услышать окончательное мнение биологов и антропологов по вопросу о вреде родственных браков, чтобы шире осветить эту проблему и укрепиться в наших позициях, а также, чтобы ответить на вопрос, не пришло ли человечество к осознанию этого вреда на более поздних стадиях развития, что могло содействовать укреплению экзогамии в некоторых ее проявлениях.

Закрывая заседание, С. П. Толстов наметил ряд вопросов, необходимость разрешения которых выявилась на дискуссии (вопрос о кровнородственной семье и возрастных ограничениях, вопрос о дуальной организации, о системе брачных запретов, вопрос половой табуации, формы перехода к патриархату и др.). Дальнейшая работа группы в области проблемы экзогамии будет вестись по линии исследования и обсуждения ряда частных вопросов.

И. Золотаревская

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ

11 февраля 1947 г. состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук окончившим аспирантуру института этнографии И. Ф. Симоненко. Тема диссертации — «Этнический состав населения западных районов Украины». Официальные оппоненты: академик В. И. Пичета и проф. П. И. Кушнер. Диссертация имеет целью показать состояние украинско-польской этнической границы к началу второй мировой войны. В работе дана сжатая характеристика историко-этнографических карт, относящихся к украинско-польской этнической границе, и критический анализ основной литературы и статистических сведений по данному вопросу. Собранный материал показывает несостоятельность теорий, оправдывающих захват Польшей районов Западной Украины, и попыток доказать, что западные украинцы это те же поляки, пользующиеся «особым», «простым» языком. Акад. В. И. Пичета, соглашаясь с конечными выводами автора, подверг работу серьезной критике, указав на ряд имеющихся в ней существенных недочетов в исторической ее части. Проф. П. И. Кушнер остановился главным образом на этнографической части диссертации. Он указал на актуальность постановки данной темы, затрагивающей вопросы взаимоотношений украинцев и поляков, получившие разрешение лишь в результате соглашения нынешнего демократического правительства Польши с СССР. При разработке темы диссертант столкнулся с большими трудностями, обусловленными дефектностью этнической статистики в довоенной Польше, как и в большинстве стран Европы, неразработанностью терминологии и методологии определения этнических границ и этнографических территорий, близостью обоих исследуемых народов в отношении языка, многих сторон материальной культуры и быта. Эти трудности диссертант в основном преодолел путем привлечения и сопоставления мно-

гообразных источников. Общие выводы автора, как и представленный им картографический материал, оппонент считает правильными, но в некоторых случаях недостаточно документированными. Это относится к тем выводам автора, которые он обосновывает данными страховых полисов и опроса украинского населения, переселившегося из Холмщины в восточные области УССР. Оппонент считает, что эти данные недостаточно уясняют исследуемый диссертантом вопрос об этническом составе Холмщины и Галиции. В методах сбора диссертантом этнографического материала имеются дефекты. Выступивший в прениях проф. П. Г. Богатырев подверг критике диалектологическую часть работы, построенную на материале отроцкого говора, возражая против утверждения диссертанта о том, что строчаки говорят «на особом оригинальном языке», а не на северо-украинском диалекте, как полагает проф. Богатырев. Возражения с его стороны вызвали и некоторые положения этнографической части работы — недостаточно глубокий анализ обрядов так называемых «любян» (полонизированных украинцев). Проф. С. П. Толстов в своем выступлении отметил актуальность разработки данной темы, тесно увязанной с общим планом Института, и проведенную диссертантом большую работу по выявлению и использованию самых разнообразных материалов. Новым и удачным приемом он считает использование в качестве источника для изучения народного жилища страховых полисов. Проф. Толстов возражал против выступления проф. Богатырева, считая, что приведенный в диссертации диалектологический материал, хотя он собран не диалектологом, представляет значительный интерес; это видно уже из того, что разбираемый диалект самим проф. Богатыревым определен на основании сделанного диссертантом описания. Этнографические карты, являющиеся основной частью диссертации, разработаны на основе материала, исследованного методами советской науки, и не вызвали ни у кого из оппонентов возражений. Представленная диссертация вполне заслуживает того, чтобы автору ее была присуждена степень кандидата наук. Диссертанту присуждена искомая степень.

11 марта 1947 г. состоялась защита кандидатской диссертации директором научно-исследовательского Института музейно-краеведческой работы Д. А. Маневским. Тема диссертации — «Домоногамные пережитки у восточных славян X—XI вв.». Официальные оппоненты: проф. Б. А. Рыбаков и проф. В. К. Никольский. Работа распадается на две части: первая носит источниковедческий характер, во второй исследуются собранные факты. С точки зрения проф. Никольского, первая часть менее ценна в силу неполноты собранного автором историографического материала. Вторая часть содержит значительный, тщательно подобранный материал, интерпретируемый с последовательно материалистических позиций. Углубленная критика первоисточников помогла автору опровергнуть многие неверные утверждения и установить ряд новых фактов. Автором привлечен археологический, лингвистический и фольклорный материал — последний недостаточно полно. Слабее использованы данные этнографии. Существенным пробелом считает оппонент недооценку автором роли семейной общины. Не использованы в диссертации ценнейшие замечания Маркса о патриархальной семье, данные в его конспекте книги Морган «Древнее общество». Проф. Б. А. Рыбаков видит основную ценность обсуждаемой диссертации в критической переоценке материала, собранного буржуазными исследователями XIX в. Оппонент вполне согласен с основными выводами автора. Возражения встречают некоторые детали работы. Так, при терминологическом анализе не всегда дано правильное толкование, не везде выдержано критическое отношение к первоисточникам. Диссертант мало использовал данные славянского сравнительного языкознания — хорошо разработанную область науки, позволяющую уяснить многие явления терминологии и истории развития семьи, неправильно толкуемые индоевропентами. Недостаточно подтверждены выводы, построенные на анализе археологических данных, в частности, в отношении парных погребений, историю которых, по мнению оппонента, следует начинать с периода срубной культуры, где они свидетельствуют о появлении патриархального начала. При исследовании вопроса о домоногамном браке необходимо привлечь материалы не только деревенских, но и дружинных курганов, подтверждающие свидетельства арабских источников. Выступивший в прениях т. Карпыч возражал против самой постановки вопроса о домоногамном браке у славян в качестве диссертационной темы. Его выступление встретило возражения как со стороны официальных оппонентов, так и со стороны других участников диспута. Представленная диссертация получила хорошую оценку. Диссертанту присуждена степень кандидата исторических наук.

25 марта 1947 г. защищены кандидатские диссертации окончившими аспирантуру Института этнографии Г. С. Масловой и М. В. Саидовой. Диссертация Г. С. Масловой «Орнамент карел Калининской области» представляет собой фундаментальный труд — результат многолетней собирательской и исследовательской работы, объемом свыше 10 п. л. текста с приложением большого количества иллюстративного материала. Официальные оппоненты — проф. Б. А. Рыбаков и кандидат исторических наук Л. А. Диндес — отметили ценность представленной работы как по широкому охвату материала и умелому использованию литературы, так и по глубокому подходу к исследуемым явлениям. В отличие от многих искусствоведов, диссертантка изучала орнамент не изолированно, в отрыве от общего комплекса культурных явлений, а как неотъемлемую часть культуры. Проф. Рыбаков выразил свое полное согласие с основ-

ной концепцией автора, согласно которой орнамент рассматривается как система магических знаков, имевших первоначально значение оберега. Оппонент возражал при этом против чисто эстетической трактовки орнамента, проводимой некоторыми исследователями, отрицающими его исходную магическую роль. Особенно тщательно разрабатан диссертанткой раздел о головных уборах. Давая высокую оценку представленной работе в целом, оппонент указал на имеющиеся в ней пробелы, к числу которых он отнес в первую очередь отсутствие картографического материала. Следовало бы показать влияние на искусство карел предшествовавшего им населения — веги, глубже затронуть вопросы этногенеза славян и финских племен и шире привлечь археологический материал, сопоставив его, в частности, с вышивкой. Л. А. Динцес в своем выступлении вполне солидаризировался с общей оценкой диссертации, данной Б. А. Рыбаковым. Ценность работы, с его точки зрения, повышается еще в связи с тем, что часть зафиксированных в ней материалов варварски уничтожена фашистскими оккупантами. В обзоре литературы диссертантка подвергла справедливой критике попытки некоторых финских исследователей установить «прафинский» корень карельского орнамента и отнести явно русские вышивки к числу карельских и ингерманландских. Оппонент подробно остановился на вопросе о взаимовлиянии русского и карельского искусства, в частности, о влиянии на последнее культуры Новгорода. Л. А. Динцес не согласен, однако, с данной в работе интерпретацией истории головного убора «сороки», предлагая свою точку зрения. Он считает, что орнамент сороки тверских карел не является типологически более древним, чем орнамент полотенец: первый сложился уже в условиях Тверского края, под сильным влиянием искусства Московской Руси. Проф. С. П. Толстов выразил свое согласие с выводом диссертанта о том, что орнамент юго-восточной группы западных финнов говорит об их более тесной связи с восточными финнами, чем с Суоми и Эстонией. Наряду с этим он подчеркнул роль культуры Булгара в сложении искусства окружающих его народов. В оценке представленной диссертации он присоединился к официальным оппонентам, считая ее солидным вкладом в этнографическую и искусствоведческую литературу. Диссертантке присуждена степень кандидата исторических наук.

Диссертация М. В. Саидовой, озаглавленная «Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным», посвящена разработке вопроса, не освещенного в литературе, в частности, в кавказоведческой. Официальные оппоненты — проф. А. М. Ладыженский и проф. Г. А. Кокиев — отметили заслугу диссертантки, впервые на конкретном материале исследовавшей данную проблему на основании тщательного изучения литературных и архивных источников, а также сведений, собранных лично во время неоднократных поездок на Кавказ. Как отметил проф. А. М. Ладыженский, значительный интерес представляет характеристика так называемых «вольных обществ», изучение которых дает многое для выяснения порядка перехода от родового строя к феодальному. При этом диссертантка приводит данные, до нее никем не опубликованные (например, о рутульцах, до сего времени в литературе не описанных). Интересна, по мнению проф. Кокиева, глава, посвященная патриархальному рабству в Дагестане и разработанная на свежем полевом материале. Большое внимание уделено автором выяснению внутриродовых отношений, отношений вольных обществ между собой и с феодальными ханствами Дагестана. Заключительная часть работы посвящена выяснению переходных форм землевладения и социальных категорий. На конкретном дагестанском материале обосновывается положение о том, что первичной формой собственности была собственность родовая, перешедшая затем в общинную, в свою очередь имевшую ряд переходных форм в процессе превращения ее в собственность частную. Длительный процесс перехода от общинно-родовых отношений к феодальным, в условиях Нагорного Дагестана не закончившийся вплоть до Великой Октябрьской Социалистической революции, сопровождался ожесточенной межродовой и межобщинной борьбой и борьбой с соседними феодальными ханствами, основным содержанием которой было стремление свободных производителей отстоять свою независимость от феодального закрепощения. Наряду с правильным показом этих процессов, в работе имеются промахи и неудачные места. Проф. Кокиев указал на недостаточно критическое использование античных и арабских источников, что привело диссертантку к неправильным заключениям и нагромождению этногеографических терминов, данные без должной классификации. Упущением считает оппонент то, что в диссертации недостаточно освещен вопрос о Тарковском шамхальстве, на примере которого можно было убедительно показать неравномерность развития социально-экономических отношений в Дагестане. Не выяснен вопрос о том, совпадают ли в вольных обществах Нагорного Дагестана этнографические и территориальные границы. Не вскрыта семантика местных терминов. Имеются пробелы в библиографии — не использованы, например, грузинские анналы и материалы путешественника Рубруквиса, приводящего ценные сведения об экономическом и военном быте народов Дагестана. Проф. Ладыженский считает упущением отсутствие в работе сравнительно-исторического обзора. Анализируя процесс перехода от общинно-родового уклада к феодальному, диссертантка не остановилась на возникновении общинно-родовых форм и не дала анализа форм феодальных. Отсюда и основная, сам по себе правильный тезис о том, что классовая дифференциация в значительной мере проходила между родами, недостаточно обоснован. Не вскрыт ступенчатый характер феодальной земельной собственности — не показано, что соб-

ственниками одной и той же земли были и князь, и его вассал, и крестьянская община, обрабатывавшая землю. Выступивший в прениях доктор экономических наук проф. Погорельский подчеркнул значение разбираемой диссертации, противопоставив ее имеющимся в литературе попыткам идеализации общественных отношений в дагестанском горном ауле. Но некоторые положения диссертантки представляются ему спорными. Такова, например, попытка дать новое понятие родовой общины как переходной к сельской общине. Диссертантка не вкладывает реального экономического содержания в характеристику родовой общины. С точки зрения т. Старостина, также выступившего в прениях, в диссертации поставлен ряд важнейших теоретических вопросов, но не везде дано четкое их разрешение. Отмеченные недочеты, по мнению оппонентов, не снижают качества представленной работы, вполне оправдывающей присуждение ее автору степени кандидата исторических наук. Диссертантке присуждена исковая степень.

22 апреля текущего года защищена кандидатская диссертация окончившим аспирантуру Института этнографии Б. О. Долгих. Диссертация, озаглавленная «Родовой и племенной состав населения севера Средней Сибири», является результатом многолетней работы автора над обильным и многообразным материалом. Помимо русской и иностранной литературы, данных Всесоюзной переписи населения 1926—1927 гг., архивных материалов, этнографических коллекций, в работе использованы обширные полевые материалы, собранные лично автором во время его работы по Всесоюзной переписи в приполярных районах, а затем — по земле- и водоустройству народов Севера, когда он имел возможность разносторонне и детально ознакомиться с исследуемыми им народностями, побывав в самых отдаленных местах их обитания. Официальные оппоненты — чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушин, кандидат историч. наук Б. А. Васильев и проф. П. И. Кушнер охарактеризовали представленную диссертацию как крупный вклад в историю и этнографию народов Сибири, впервые дающий отчетливое представление о племенной структуре многочисленных мелких сибирских народностей, истории их образования и их расселении, четко показанном на оригинально разработанных картах. С. В. Бахрушин считает особенно ценным в данной работе то, что она проникнута историзмом; этнографические явления рассматриваются в аспекте исторического процесса; в разработке статистических данных цифры сопоставляются за ряд столетий. Точное подразделение племен, точная транскрипция как личных имен, так и названий отдельных родов позволяют внести ясность в определение понятий племени, рода, большой семьи в применении к народностям Севера, для чего мы до сих пор не располагали достаточно фундированными сведениями. Высоко оценивая представленную работу в целом, С. В. Бахрушин остановился на двух принципиальных вопросах, разрешение которых в диссертации представляется ему спорным. Это, во-первых, вопрос об общественном строе тунгусов в XVII—XIX вв., который автор определяет как военную демократию. Оппонент считает, что северные звенья в этот период стояли на более низкой стадии общественного развития. Второе возражение касается вопроса о взаимоотношениях между племенем, родом и большой семьей. С мнением Б. О. Долгих о том, что у кочевых народностей Сибири из разросшихся больших семей образовывались роды, оппонент не может согласиться, во всяком случае он хотел бы иметь более глубокое обоснование этого тезиса. Б. А. Васильев остановился главным образом на этнографической части работы. Б. О. Долгих, заявил оппонент, открыл и показал в Сибири ряд племен как составных частей сибирских народностей, о чем до сего времени не было четкого представления. Он дал первую этнографическую карту сибирских племен, обосновав принципиальный сдвиг в наших представлениях о родоплеменном составе народов не только Средней, но и Восточной Сибири. В диссертации дается огромный фактический материал, в частности, по истории поздних форм доклассового общества, и ставится ряд новых проблем. Автор вводит в научный обиход новые понятия — «территориальная группа» и «этнографический тип». Под первой он понимает исторически сложившееся население хорошо выраженного географического района, объединенное различными социальными связями. Этнографический тип представляет собой органический комплекс элементов культуры, носителем которого является население, занимающее определенный ареал. Диссертантом описано 11 таких этнографических типов, из которых 6 описаны им впервые. Большой интерес представляют приведенные в диссертации наблюдения над процессами этнической ассимиляции, происходящими в среде территориальных групп. К числу имеющихся в работе спорных мест, обусловленных в основном новой постановкой ряда теоретических вопросов, оппонент относит введение автором терминов «экзогамное племя» и «несамостоятельный экзогамный род»; с придаваемым им значением Б. А. Васильев согласиться не может. Недостаточно ясно определение диссертантом понятий «племя» и «народность». Термин «патронимия» употребляется Б. О. Долгих в ином значении, чем то, которое принято в наукающее время нашими этнографами. Проф. П. И. Кушнер охарактеризовал этно-статистическую и картографическую части диссертации как выполненные на высоком уровне и могущие стать прочной базой дальнейшего, более детального изучения народностей Сибири. Лишь в отношении этнографической карты Средней Сибири оппонент считает необходимым более точно показать территории со смешанным по этническому составу населением. Далее оппонент разобрал освещение автором процессов ассимиляции и аккультурации, представляющих большой интерес и своеобразно про-

текающих в данной среде — отлично от того, что мы наблюдаем у европейских наций с выработавшимся национальным самосознанием, скрепляющим эти национальные коллективы. Оппонент не согласен с применяемыми автором терминами — обрусение, оякучивание, так как он считает, что в данном случае имеет место не ассимиляция, а проникновение новой культуры иными, не насильственными путями. В целом диссертация признана всеми выступавшими в диспуте крупным достижением этнографической науки. Диссертанту присуждена степень кандидата исторических наук.

Диссертация научного сотрудника Государственного музея этнографии М. В. Сазоновой, защищенная 22 апреля и носящая название «Земельные отношения в Хивинском ханстве в XIX веке», представляет собой историко-этнографическое исследование, построенное на оригинальном актовом материале Архива хивинских ханов. Выступивший в качестве официального оппонента проф. С. П. Толстов указал на то новое, что дала диссертантка по сравнению с ее предшественником по изучению этого интереснейшего документального памятника — выдающимся историком Ср. Азии П. П. Ивановым. В обсуждаемой работе приводится много новых данных, уточняющих наши представления о характере общественных отношений в Хивинском ханстве накануне его завоевания. Детально обрисованы существовавшие там аграрные отношения, вскрыты процессы внутренней дифференциации крестьянства, причины лауперизации значительной его части, показаны формы эксплуатации населения, действие налогового аппарата и т. д. К недочетам работы оппонент отнес в первую очередь отсутствие карты с нанесенными на ней основными пунктами, связанными с предметом исследования. Отсутствие такой карты привело к тому, что диссертантка не усмотрела специфики отношений в районах, населенных не узбеками. В работе имеет место некоторое архаизация общественных отношений. Так, например, диссертантка считает, что в Хорезме описываемого времени не произошло еще окончательного отделения ремесла от земледелия, с чем оппонент не может согласиться. Диссертантка не акцентировала своего внимания на чрезвычайно интересном, до сих пор на Востоке не исследованном явлении слияния государственной повинности — бегара с феодальной барщиной, хотя в этом отношении ею сделано важное открытие. Не всегда убедительно привлекаются положения шариата и Корана для истолкования исследуемых явлений. Не везде дано пояснение употребляемых местных терминов. Эти недочеты необходимо выправить при подготовке работы к печати, чего она, по мнению проф. Толстова, вполне заслуживает. Второй оппонент, доктор историч. наук Л. П. Потапов, изложив основное содержание работы, охарактеризовал ее как ценный труд, построенный на тщательном изучении первоисточника, написанного на узбекском языке, устанавливающий много новых фактов и дающий новую трактовку исследуемых явлений. Наряду с этим в диссертации имеются некоторые спорные положения и пробелы. К числу последних оппонент относит в первую очередь исключение автором из предмета исследования кочевого населения, хотя о нем имеется документальный материал, который мог быть дополнен и этнографическими сборами. Слабо затронуты вопросы, связанные с мюльковым землевладением. Не показан быт хивинских крестьян и своеобразная техника их хозяйства. Спорной представляется оппоненту трактовка вопроса о происхождении бегара. Диссертантка считает его пережитком отработочной ренты, оппонент же полагает, что здесь мы имеем дело с пережитком общинных работ, характерных для Востока, право на которые было постепенно узурпировано центральной властью и господствующими классами. Несмотря на эти недочеты разбираемая работа представляет оппоненту ценным, интересным исследованием, заполняющим пробел в истории социально-экономических отношений в Хивинском ханстве. М. В. Сазоновой присуждена степень кандидата исторических наук.

О. Корбе

РАБОТА ЛЬВОВСКОГО ОТДЕЛА ИНСТИТУТА ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ, ФОЛЬКЛОРА И ЭТНОГРАФИИ АН УССР В 1947 г.

Львовский отдел Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР возобновил свою работу с первых дней освобождения Львова от немецко-фашистской оккупации, т. е. с начала июля 1944 г., под руководством ныне покойного (скончался 3 марта 1947 г.) известного ученого-фольклориста, действительного члена АН УССР, орденоносца, депутата Верховного Совета УССР, профессора Филарета Михайловича Колессы, руководившего Отделом до последних дней своей жизни.

Отдел состоит из трех секторов: 1) искусствоведения, 2) устного и музыкального фольклора и 3) этнографии.

Сектор искусствоведения занят составлением «Библиографического указателя статей по искусствоведению западных областей УССР». Выполнено свыше 1500 записей на карточках. Работу эту ведет ст. науч. сотр. О. Р. Шкирман-Збронцева. Ст. науч. сотр. М. Д. Драган выполняет работу: «Библиографический словарь советских художников западных областей УССР».

Сектор словесного и музыкального фольклора заканчивает две большие коллективные работы: а) «Советский фольклор западных областей УССР», в двух томах: «Революционный фольклор западных областей УССР перед Великой отечественной войной» и «Фольклор западных областей УССР периода Великой отечественной вой-